

Цѣна 10 коп.

1102
36/9

ЭДГАРЪ ПО.

АВТОБИОГРАФІЯ ТИНГЭМА БОБА.
ДУХЪ НЕВЪРОЯТНАГО.
ИСКУССТВО ОСОБАГО РОДА.

Переводъ съ англійскаго Зин. Львовскаго.

ВЫП. ШЕСТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ

ДЕШЕВАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА САТИРИКОНЪА

Дешевая юмористическая библиотечка

САТИРИКОНЪ

ЦѢНА КАЖДАГО ВЫПУСКА 10 КОП.

Въ каждомъ выпускѣ будетъ помѣщено нѣсколько оригинальныхъ или переводныхъ юмористическихъ рассказовъ или одна законченная повѣсть.

Вышли изъ печати:

- Вып. 1-й. Аркадій Аверченко.
" 2-й. Тэффи.
" 3-й. Аркадій Аверченко.
" 4-й. Джакобсъ (англійск. юморъ.)
" 5-й. О. Л. Д'Орь.
" 6-й. Джеромъ К. Джеромъ (англійск. юморъ.)
" 7-й. Влад. Азовъ.
" 8-й. К. Эгтлингеръ.
" 9-й. Тэффи.
" 10-й. Шоломъ-Алейхемъ.
" 11-й. Арк. Аверченко.
" 12-й. Рода-Рода.
" 13-й. Осипъ Дымовъ.
" 14-й. Альфредъ Капюсъ.
" 15-й. Тэффи.
" 16-й. Маркъ Твенъ.
" 17-й. Янушъ Корчакъ.
" 18-й. Ксанрофъ.
" 19-й. Аркадій Аверченко.
" 20-й. Сафиръ.
" 21-й. А. И. Купринъ.
" 22-й. М. и А. Фишеръ.
" 23-й. Влад. Тихоновъ.
" 24-й. Джакобсъ.
" 25-й. Аркадій Аверченко.
" 26-й. А. Л. Желландъ.
" 27-й. Анри Давеланъ.
" 28-й. О. Л. Д'Орь.
" 29-й. Жоржъ и Куртелинь.
" 30-й. Ал. Будищевъ.
" 31-й. Анстей.
" 32-й. Аркадій Аверченко.
" 33-й. Ришаръ О'Монруа.

- Вып. 34-й. А. Измаиловъ.
" 35-й. Филиппъ Бергесъ.
" 36-й. Тэффи.
" 37-й. Жанъ Марни.
" 38-й. Рудольфъ Пресберъ.
" 39-й. Аркадій Аверченко.
" 40-й. П. Веберъ.
" 41-й. Эдгаръ По.
" 42-й. Осипъ Дымовъ.
" 43-й. Вилли.
" 44-й. Влад. Азовъ.
" 45-й. Ж. Орель.
" 46-й. Рода-Рода.
" 47-й. А. Будищевъ.
" 48-й. Джакобсъ.
" 49-й. М. Кольбъ.
" 50-й. А. Аверченко.
" 51-й. А. Эрманъ.
" 52-й. Бретъ-Гартъ.
" 53-й. Г. Ландау.
" 54-й. Ксанрофъ.
" 55-й. А. Балачъ.
" 56-й. К. Мийль.
" 57-й. М. и А. Фишеръ.
" 58-й. Узальсъ.
" 59-й. И. Гуревичъ.
" 60-й. Джеромъ К. Джеромъ.
" 61-й. Аркадій Аверченко.
" 62-й. Мориссъ.
" 63-й. Эдгаръ По.

Готовится къ печати:

- " 64-й. П. Ребу и Ш. Мюллеръ.
" 65-й. Тэффи.

Главный скл. изданій М. Г. Борнфельда, Спб., Фонтанка 80., Продажа вышедшихъ выпусковъ производится во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ книжно-газетныхъ кіоскахъ и на ст. жел. дорогъ.

Всѣ выпуски „Дешевой библиотечки САТИРИКОНА“ будутъ состоять изъ произведеній, не появлявшихся въ журналѣ Сатириконъ.

ДЕШЕВАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА „САТИРИКОНА“

85 / 369
Э Д Г А Р Ъ П О.

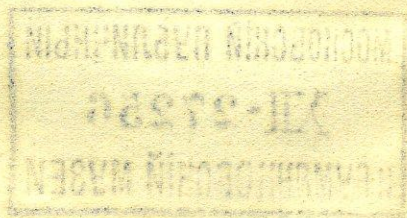
АВТОБИОГРАФІЯ ТИНГЭМА БОБА
ДУХЪ НЕВЪРОЯТНАГО
ИСКУССТВО ОСОВАГО РОДА

Переводъ съ англійскаго Зин. Львовскаго.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-27256
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

ИЗДАНИЕ М. Г. КОРНФЕЛЬДА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1912.

О П Р А В Д

ТИПОГРАФІЯ ЖУРНАЛА „САТИРИКОНЪ“
М. Г. КОРНФЕЛЬДА, СПВ., БАССЕЙНАЯ, 3—5

АВТОБІОГРАФІЯ ТИНГЭМА БОБА,
литератора и редактора «Хузтрумфудля».

Близится старость. Зная, что въ свое время скончались В. Шекспиръ и Эммансъ, я вынужденъ думать, что и я умру. Вотъ какого рода соображенія вынуждаютъ меня оставить литературную арену жизненной дѣятельности, почтить, какъ говорятъ, на лаврахъ и въ то же время написать свою автобіографію.

Мнѣ думается, что я не могу оставить по себѣ лучшаго памятника, какъ автобіографія.

Что можетъ быть пѣніе для челоука, какъ жизнеописаніе великаго челоука, сдѣланное имъ самимъ? Обо мнѣ всѣ современники столько говорили, думали, слышали, спорили и дрались изъ-за меня, что я считало своей прямой обязанностью разсѣять ту черную тучу лжи, которая создалась вокругъ моего имени.

Я всегда держался того мнѣнія, что челоукъ, отмѣченный судьбой, долженъ оста-

вить послѣ себя слѣды, по которымъ безбоязненно будетъ ступать благодарное потомство.

Въ настоящей моей статьѣ, которую я хочу скромно озаглавить «Пособіе для будущиѣхъ историковъ американской литературы», я попытаюсь рассказать о моихъ первыхъ, неувѣренныхъ шагахъ по тернистому пути литературы и славы.

Не стану распространяться о своихъ очень дальнихъ предкахъ и начну прямо съ отца.

Мой отецъ, Томасъ Бобъ, Esq., въ теченіи многихъ лѣтъ считался однимъ изъ лучшихъ парикмахеровъ города Смэга. Я не ошибусь, если скажу, что онъ былъ даже самымъ лучшимъ парикмахеромъ.

Въ его гостепріимномъ салонѣ сходились лучшіе представители нашего города, и изъ нихъ всего чаще бывали журналисты и литераторы, къ которымъ всѣ съ самаго нѣжнаго возраста питаютъ безграничное уваженіе. Даже благоговѣніе! Я же лично смотрѣлъ на нихъ положительно, какъ на небожителей, съ затаеннымъ дыханьемъ прислушивался къ ихъ словамъ и, какъ драгоцѣнности, подбиралъ всѣ замѣчанія, которыя они дѣлали въ то время, какъ мой отецъ намывливалъ ихъ щеки и подбородокъ.

Никогда не забуду того дня, когда высокодаровитый редакторъ издатель «Хадъ-

Флай», воспользовавшись свободной минутой, пока мой отец точил бритву, продекламировалъ геніальнѣйшую поэму въ честь «единственной и несравненной помады Боба». (Помада носила имя своего изобрѣтателя, моего отца).

Необыкновенно звучныя строфы поэмы или, вѣрнѣе, оды просто окрылили меня и наполнили все мое существо именно тѣмъ, что называется вдохновеніемъ. Тутъ же, на мѣстѣ я рѣшилъ, что мнѣ предстоитъ великая будущность, которой я буду обязанъ литературной дѣятельности.

Въ тотъ же вечеръ, какъ только парикмахерская закрылась, я бросился къ ногамъ отца и заявилъ:

— Прости, отецъ, но я чувствую, что моя душа рвется за предѣлы, ограниченныя бритвой. Вотъ почему я рѣшилъ разстаться съ тобой, сдѣлаться редакторомъ и писать поэмы и оды. Прости и помоги мнѣ сдѣлаться великимъ человѣкомъ — во славу всего нашего рода.

Въ честь богатаго родственника меня окрестили Тингэмомъ, — и, выслушавъ меня, отецъ началъ такъ:

— Дорогой Тингэмъ! Другъ мой Тингэмъ! — Тутъ онъ поднялъ меня за уши съ пола. — Я вижу, что ты весь пошелъ въ своего отца, — человѣка души замѣчательной. Къ тому же у тебя, какъ и у меня,

огромная голова, — и я знаю по опыту, что въ такой головѣ очень много мозговъ. Я давно обратилъ на это вниманіе и, признаюсь, надумалъ сдѣлать тебя адвокатомъ, цѣлителемъ человѣческихъ язвъ, — но, къ сожалѣнію, адвокатская карьера сдѣлалась слишкомъ вульгарной и невыгодной. Столь же не выгодно и дипломатическая карьера. Вотъ почему я охотно и съ удовольствіемъ выслушалъ тебя и согласенъ дать тебѣ свое отчее благословеніе. Въ наше время очень выгодно быть издателемъ. Если же тебѣ при многотрудныхъ редакторскихъ обязанностяхъ удастся еще писать стихи, — тогда будетъ совсѣмъ хорошо. Въ видѣ поощренія, отвожу въ твою полную собственность: чердакъ надъ нашимъ домомъ, одно перо, чернила, бумагу, словарь римъ и 1 экземпляръ газеты «Хадъ-Флай». Я думаю, что при такихъ дарахъ ты ни въ чемъ не будешь испытывать нужду.

— Я слишкомъ благороденъ для того, чтобы требовать отъ тебя еще чего-нибудь! — съ пафосомъ воскликнулъ я. — Твоя щедрость такъ же велика, какъ мой гений... Я отблагодарю тебя тѣмъ, что прославлено, какъ отца высокодаровитаго сына.

Послѣ этого разговора съ лучшимъ изъ отцовъ я ревностно принялся за стихоплетство, видя въ этомъ ближайшій путь къ редакторскому чину.

Долженъ тутъ же замѣтить, что ода въ честь «помады Боба» вмѣсто того, чтобы помочь мнѣ, являлась только препятствіемъ. Великолѣпіе стиховъ подѣйствовало на меня самымъ губительнымъ образомъ, — и мною невольнo овладѣвало уныніе, когда я сравнивалъ свои стихи со стихами редактора «Хадъ-Флая».

Наконецъ меня осѣнила одна изъ тѣхъ мыслей, которыя являются особенностью только художниковъ Божьей милостью. Предлагаю читателю ознакомиться съ ходомъ моей творческой работы.

Среди хлама букиниста, на самой окраинѣ города, я нашелъ нѣсколько завалывшихся и никому уже неизвѣстныхъ сочиненій. Купивъ эти книги за грошъ, я выписалъ изъ Данте стихи объ Уголино, обремененномъ многочисленнымъ семействомъ.

Изъ другой книги я съ такимъ же успѣхомъ взялъ нѣсколько строфъ про священниковъ, ангеловъ и про чертей.

Изъ третьей книги, написанной какимъ-то слѣпымъ грекомъ, (я узналъ это изъ предисловія) я заимствовалъ штукъ пятьдесятъ строкъ, — начиная съ «тѣва Ахиллеса».

Наконецъ, изъ четвертой книги, также написанной слѣпцомъ, я взялъ пару страницъ о «небесномъ сіяніи»; стихи по своему были недурны.

Запасшись такимъ образомъ, я придю-

малъ звучный псевдонимъ «Оппольдедокъ» и рѣшилъ, что могу приступить ко второй части своей работы.

Вложивъ каждую изъ поэмъ въ отдѣльный конвертъ, я разослалъ свои творенія въ четыре разныя редакціи,—при этомъ настаивалъ на возможно скоромъ напечатаніи и немедленной присылкѣ гонорара.

Однако результатъ просмотра моихъ произведеній нѣсколько обмануль мои жадныя и вмѣстѣ нѣжныя мечтанія.

Коротко говоря, всѣ четыре журнала въ отдѣлѣ «Почтовый ящикъ» выругали м. Оппольдедока.

«Хэмъ-Дрэмъ» писалъ такъ:

«Нѣкій м. Оппольдедокъ прислалъ намъ статью, въ которой имѣется жизнеописаніе нѣкоего м. Уголино, отягченнаго многочисленной семьей. Можемъ заявить, что всю семью мистера Уголино слѣдуетъ выпоротъ и уложить спать. Мягко выражаясь, присланное произведеніе крайне скучно. Авторъ совершенно лишенъ изобрѣтательности, фантазіи, что, по нашему скромному разумѣнію, является не только душой поэзіи, но и сердцемъ ея.

«Крайне странно, что м. Оппольдедокъ обращается въ редакцію съ просьбой о немедленномъ напечатаніи статьи и столь же немедленной уплатѣ гонорара. Отвѣчаемъ: такого убогаго матеріала мы не принимаемъ

и не оплачиваемъ. Однако, можемъ рекомендовать молодому «поэту» обратиться со своими твореніями въ такія газеты, какъ «Руди-Доу», «Лоллипопъ» или «Хузтерумфудль». Тамъ и такая дрянь найдетъ мѣсто».

Согласитесь, что по отношенію къ начинающему поэту это было слишкомъ строго и даже жестоко. Всего больше меня ступило то, что слово «поэзія» было напечатано такими крупными буквами. Вѣдь сколько ѣдкой горечи въ этихъ шести буквахъ!

Не болѣе лестный приемъ мнѣ былъ оказанъ и въ «Руди-Доу». Привожу отвѣтъ полностью.

«Нѣкій м. Оппольдедокъ, осмѣлившійся осквернить имя знаменитѣйшаго римскаго цезаря, прислалъ намъ крайне наглое письмо съ требованіемъ напечатать его стихи и немедленно оплатить ихъ. М. Оппольдедокъ за омерзительнѣйшіе стихи про ангеловъ и чертей, требуетъ немедленной уплаты! Нѣтъ, сэръ, никогда! За подобныя произведенія мы не платимъ, ибо подобныхъ произведеній не печатаемъ. Предлагаемъ съ подобной ерундой обратиться къ «Хэмъ-Дрэмму», «Лоллипопу» или «Хузтерумфудлю», которые несомнѣнно обрадуются такому матеріалу. Возможно даже, что, принявъ, они пообѣщаютъ уплатить гонораръ».

Не менѣе злобнымъ оказался и «Лоллипопъ»:

«Какой-то субъектъ, прикрывшись вѣстимымъ именемъ Оппольдедока, прислалъ намъ возмутительно-безграмотные стихи, начинающіеся стихомъ: «Гнѣвъ, о богиня, вослой Ахиллеса...»

«Ставимъ на видѣ м. Оппольдедоку, что любой наборщикъ нашей типографіи лучше пишетъ стихи. Напрасно «авторъ» думаетъ, что мы осквернимъ страницы нашего журнала тѣмъ, что помѣстимъ эти безграмотные стихи, слишкомъ плохіе даже для «Хэмъ-Дрэма», «Руди-Доу» и «Хузтерумфудля». А, какъ извѣстно, послѣдніе доходятъ до того, что печатають произведенія въ родѣ «Пѣсни Гуся». Да будетъ извѣстно м. Оппольдедоку, что мы не напечатаетъ его стиховъ даже въ томъ случаѣ, если намъ заплатятъ».

Настроение мое съ каждымъ отзывомъ все падало и падало. Я искренно болѣлъ душой за несчастнаго Оппольдедока. Я возлагалъ большія надежды на «Хузтерумфудль», но, увы! — его отзывъ оказался самымъ жестокимъ.

Вотъ что онъ писалъ:

«Какой-то полуумный пѣнта, подписавшись Оппольдедокомъ, прислалъ намъ оду (извините за выраженіе) въ честь небснаго сяннѣя. Въ письмѣ онъ требуетъ немедленной уплаты за подобный хламъ. Никогда!

«Мы было рѣшили напечатать эти «стихи» и, такимъ образомъ, навсегда заклеимитъ

несчастнаго автора, но мы слишкомъ дорожимъ нашими многоуважаемыми читателями для того, чтобы преподнести имъ такую труху».

«Рекомендуемъ м. Оппольдедоку послать свое произведеніе «Хэмъ-Дрэму», «Лоплипопу» или «Руди-Доу». Тѣ напечатають! Тѣ все принимаютъ. Тѣ ежемѣсячно печатають подобную дрянь. Мы же не позволимъ себя безнаказанно оскорблять».

Эта рецензія, что называется, окончательно сразила меня. Я возненавидѣлъ Оппольдедока и счелъ его дуракомъ, который вполне заслужилъ всѣ ругательные отзывы.

Этотъ первый литературный опытъ убѣдилъ меня въ томъ, что самая лучшая политика — честная политика. Кромѣ того я понялъ, что сумѣю что-нибудь написать, во всякомъ случаѣ, не хуже мистера Данте и слѣпотаго грека.

Нѣсколько успокоившись, я рѣшилъ написать вполне оригинальную вещь. Взглянувъ на оду редактора «Хадъ-Флая», я задался цѣлью написать хвалебную пѣсню на ту же тему.

Первый стихъ я написалъ безъ малѣйшаго труда:

«Написать оду на помаду Бобла».

Послѣ того я сталъ рыться въ словарѣ и убѣдился, что англійскій языкъ не

обладаетъ риемой на слово Бобъ. Однако, при благосклонной помощи отца, мнѣ кое-какъ удалось состряпать вторую строку. Оба стиха выражали убѣжденіе, что ода на помаду Боба дается съ превеликимъ трудомъ. Два стиха были подписаны псевдонимомъ «Снобъ».

Теперь осталось выяснитъ весьма немало-важный вопросъ: куда послать мою немногословную, но все-же пышную оду? Отецъ настойчиво предлагалъ отправить оду въ «Хадъ-Флай», но я отвергъ это предложеніе по слѣдующимъ двумъ причинамъ: во 1), я боялся завистливаго отношенія редактора; во 2), я слышалъ стороной, что «Хадъ-Флай» не платитъ за оригинальныя произведенія.

По зрѣломъ размышленіи, я послалъ оду въ «Лоллипопъ» и съ вполне понятнымъ волненіемъ сталъ выжидать отвѣта.

Моя ода была напечатана въ ближайшей книгѣ упомянутаго журнала и сопровожда-лась слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Обращаемъ вниманіе нашихъ многоуважаемыхъ читателей на исключительно удачную оду въ честь помады Боба. Эту оду, помещенную въ нашемъ журналѣ, нельзя читать безъ облагораживающихъ душу слезъ. Предлагаемъ тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые знакомы съ одой, написанной на ту же тему презрѣннымъ редакторомъ «Хадъ-

Флая», сравнитъ оба эти произведенія. Мы варагѣ знаемъ, кому будетъ отдана пальма первенства.

P. S. Мы стораемъ отъ желанія узнать, какой и кто именно изъ нашихъ современниковъ скрывается подъ псевдонимомъ «Снобъ». Выражаемъ надежду, что гениальный авторъ удостоитъ насъ своимъ посѣщеніемъ».

Не отрицало, что моя ода была превосходна, но все же подобный успѣхъ поразилъ меня.

Не теряя напрасно драгоценнаго времени, я зашелъ въ редакцію «Лоллипопа» и, къ счастью, засталъ редактора. Очевидно, его глубоко поразилъ мой юношескій видъ — тѣмъ не менѣе, онъ принялъ меня крайне почтительно и привѣтливо. Лишь изрѣдка про-скальзывали покровительственныя нотки.

Усадивъ меня на почетное мѣсто, редакторъ тотчасъ же заговорилъ о моей одѣ, но изъ чувства скромности я умолчу о тѣхъ похвалахъ, которыми онъ осыпалъ меня. Онъ попутно коснулся и нѣкоторыхъ недостатковъ, что способствовало моему вѣскому мнѣнію о немъ, какъ о человѣкѣ съ тонкимъ вкусомъ и независимой мыслію. Нечего говорить о томъ, что редакторъ «Лоллипопа», мистеръ Крабъ, воспользовался случаемъ и разнесъ во всю редакцію «Хадъ Флая», написавшаго оду на ту же тему. Мистеръ Крабъ

категорически заявилъ мнѣ, что при моемъ желаніи выругать редактора «Хадъ Флатъ» — страницы «Люллипопа» всегда и неизмѣнно къ моимъ услугамъ.

Мистеръ Крабъ еще долго, страшно долго говорилъ о своихъ врагахъ, прежде чѣмъ я, наконецъ, осмѣлился намекнуть на то, что я не прочь отъ нѣкотораго вознагражденія за столь великолѣпную оду. Я при этомъ коснулся объявленія на обложкѣ журнала, которое гласило, что «Люллипопъ» не останавливается ни предъ какими затратами, разъ рѣчь идетъ о томъ, чтобы достать выдающуюся въ художественномъ отношеніи вещь. Редакція въ томъ же объявленіи добавляла, что очень часто за какую-нибудь оду или поэму платить больше, чѣмъ редакція «Хэмъ-Дрэма», «Руди-Доу» и «Хузтерум-фудль» платятъ за произведенія, напечатанныя въ теченіе всего года.

Однако, какъ только съ моихъ устъ сорвалось слово «гонораръ», мистеръ Крабъ до того широко раскрылъ глаза, а затѣмъ ротъ, что я положительно испугался за судьбу этихъ симпатичныхъ органовъ милаго чело-вѣка.

Долженъ сознаться, что въ такомъ видѣ онъ былъ страшно похожъ на старую утку, собирающуюся, но все еще не рѣшающуюся, крикнуть.

Дождавшись конца моей рѣчи, онъ безпомощно откинулся на спинку кресла и вытянулъ руки, но благодаря тому, что не закрылъ ротъ, продолжалъ походить на утку.

Такое поведеніе уважаемаго редактора, естественно, удивило меня; но еще до того, какъ я опомнился, мистеръ Крабъ потянулся къ звонку. Дотянувшись до звонка, онъ, видно, измѣнили свое намѣреніе, такъ какъ вдругъ рванулся подъ столъ и выскочилъ оттуда съ большою дубиной въ рукахъ.

Онъ было поднялъ дубину (Господи, съ какой цѣлью?), но вдругъ кроткая улыбка озарила его лицо, и онъ снова опустился въ кресло.

— Послушайте, мистеръ Бобъ, вы, очевидно, очень и очень молоды! — сказалъ онъ, наконецъ.

Я согласился и заявилъ, что еще не достигъ пятнадцатилѣтняго возраста.

— Ахъ такъ! — воскликнулъ онъ. — Теперь я понимаю, въ чемъ дѣло. Долженъ вамъ сказать, что я съ вами исполнѣ согласенъ относительно вопроса о гонорарѣ... исполнѣ согласенъ и даже больше! Но видите-ли, молодой человѣкъ... вѣдь это какъ ни какъ ваше первое литературное произведеніе, а нашъ журналъ принципиально никогда не оплачиваетъ первыхъ опытовъ. Если сказать правду, мы въ такихъ случаяхъ платимъ чаемъ. Вообще долженъ предупредить

васъ, что мы (онъ улыбнулся при словѣ мы) никогда не платимъ наличностью, argent comptant, какъ выражаются французы. Въдъ вы меня понимаете, — не такъ-ли? Но все-же по истеченіи 5 — 6 мѣсяцевъ со дня напечатанія статьи мы не прѣчь выдать автору вексель на 9 — 10 мѣсяцевъ — но всегда дѣлаемъ это съ такимъ расчетомъ, чтобы чрезъ 6—7 мѣсяцевъ «сѣсть» или, выражаясь по модному, обанкротиться. Я хочу думать, уважаемый мистеръ Бобъ, что вы меня вполне поняли.

Мистеръ Крабъ умолкъ и отъ волненія на его глазахъ выступили слезы.

Сильно огорченный тѣмъ, что я растрогалъ и взволновалъ такого честнаго и достойнаго джентельмена, я поспѣшилъ извиниться и выразить свою полную солидарность съ его мыслями и взглядами. Послѣ этого я откланялся.

Нѣсколько дней спустя наступило мое утро, — утро, въ которое я проснулся знаменитымъ.

Для наиболѣе полного представленія о моей знаменитости я рекомендовалъ бы просмотрѣть современныя газеты. Рецензіи о вышедшей книжкѣ «Лоллипопа» и моей одѣ были столь категоричны и опредѣленны, что ни въ комъ изъ читателей не должны были оставить ни малѣйшихъ сомнѣній. Меня лично смущало только одно, — а именно то, что въ

углахъ рецензій стояли какіе-то кабалистическіе знаки такого рода: Sept. 15 — I, t. *).

«Наконецъ-то, вышелъ октябрьскій номеръ прекраснаго журнала «Лоллипопъ». По качеству бумаги, красотѣ шрифта, количеству иллюстрацій и цѣнности литературныхъ произведеній «Лоллипопъ» никогда не имѣлъ себѣ подобныхъ и настолько же выше стоитъ «Хэмъ-Дрэма», «Руди-Доу» и «Хузтерумфудля», насколько Гиперіонъ — сынъ Уранія и братъ Нептуна, отецъ Солнца и Луны — стоитъ выше Сатира».

«Поражаемся, какимъ образомъ этотъ несравненный журналъ выдерживаетъ свой бюджетъ. Правда, у него имѣется сто тысячъ подписчиковъ, число коихъ за послѣдній мѣсяць увеличилось ровно на одну четверть, — но, съ другой стороны, намъ извѣстно, что «Лоллипопъ» выдаетъ баснословные гонорары своимъ сотрудникамъ. Намъ передаютъ, что м. Сліась за свою чисто-классическую статью «О свиньяхъ» получилъ тридцать семь центовъ... При такомъ редакторѣ, какъ м. Крабъ, и такихъ сотрудниковъ, какъ мм. Снобъ и Сліась, успѣхъ журнала обезпеченъ. Поторопитесь подписаться на лучший журналъ нашего времени». Sept. 15 — 1. t.

Признаться, подобная хвалебная статья на столбцахъ «Совы» доставила мнѣ огром-

*) Форма газетныхъ объявленій.

ное удовольствіе, — и всего болѣе и пріятнѣе поразило меня то, что я былъ поставленъ впереди Сліаса.

Прочтя «Сову», я взялся за «Жабу», газету, славящуюся своей полной независимостью отъ властей и капитала имущихъ.

«Жаба» писала:

«Октябрьскій номеръ «Лоллипопа», какъ и слѣдовало ожидать, опередить всѣхъ своихъ соперниковъ. Намъ всѣмъ извѣстно, что «Хэмъ-Дрэмъ», «Руди-Доу» и «Хузтрум-фудль» любятъ хвастать и обѣщать золотыя горы, — но кромѣ лживыхъ, хвастливыхъ обѣщаній, всѣ преимущества на сторонѣ «Лоллипопа». Мы совершенно отказываемся понимать, какимъ образомъ этотъ образцовѣйшій изъ журналовъ покрываетъ свои необычайные расходы. Правда, у него двѣсти тысячъ подписчиковъ, и число ихъ за послѣдніе 15 дней увеличилось ровно на одну треть, — но, съ другой стороны, необходимо принять во вниманіе шевъбрютные гонорары, выплачиваемые журналомъ сотрудникамъ».

«Намъ лично въ вышедшей книжкѣ всего больше понравилась ода м. Сноба, — по нашему скромному мнѣнію, настоящая жемчужина. Ода написана на тему: «Помада Боба», — но, конечно, это литературное бѣіо и ничего общаго не имѣетъ со стихотворной страпней, приготовленной нѣкимъ

мѣстнымъ редакторомъ и также называющейся «Одой на Помаду Боба». Спѣшимъ сообщить, что авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ «Снобъ», носить извѣстную фамилію Бобъ. Тингемъ Бобъ, сынъ Томаса Боба, Esq., принадлежитъ къ одной изъ лучшихъ семей въ городѣ».

Не менѣе благосклоннымъ по отношенію къ октябрьской книжкѣ «Лоллипопа» и моею одѣ оказались: «Кротъ» и «Длинноногая Цапля». «Кротъ» изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ сообщалъ, что у «Лоллипопа» — триста тысячъ подписчиковъ, и что число ихъ за послѣднюю недѣлю выросло ровно на половину.

«Длинноногая Цапля» подняла цифру подписчиковъ до 500.000 и процентъ увеличенія до 66 и двухъ третьихъ.

«Длинноногая Цапля» заканчивала такъ:

«Всеобщее вниманіе должна привлечь чудесная ода, подписанная Снобомъ. Заглавіе этого замѣчательнаго произведенія, этого шедевра — «Ода на помаду Боба».

«Весьма возможно, что нѣкоторые изъ нашихъ читателей помнятъ оду подъ тѣмъ же заглавіемъ, написанную мѣстнымъ литературнымъ хулиганомъ. Во имя святаго искусства, мы убѣдительно просимъ не смѣшивать этихъ двухъ произведеній, далекихъ другъ отъ друга, какъ небо и земля».

Заключеніе статьи взволновало меня до послѣдней степени. Ясно было, что, отзываясь такъ снисходительно о редакторѣ «Хадъ-Флая», «Длинноногая Цапля» хотѣла поднять его репутацію за мой личный счетъ. Наслушавшись столь многочисленныхъ и искренныхъ похвалъ, я считалъ себя въ правѣ требовать болѣе категорическихъ и рѣзкихъ отзывовъ о второмъ авторѣ оды на помаду Боба. Я находилъ, что выраженіе «литературный хулиганъ» вовсе не выясняло всего ничтожества редактора «Хадъ-Флая».

Однако меня меньше волновалъ отзывъ о редакторѣ «Хадъ-Флая», чѣмъ мнѣнія газеты обо мнѣ. «Длинноногая Цапля» осмѣлилась нѣсколько разъ назвать меня гениальнымъ писателемъ и выдающимся ученымъ. Я не нашелъ возможнымъ снести подобную обиду и рѣшилъ потребовать полного удовлетворенія.

Пораздумавъ, я обратился къ мистеру Крабу. Во мнѣ еще не остыли воспоминанія о крайне любезномъ приѣмѣ, оказанномъ мнѣ редакторомъ «Лоллипопа», — и я направился къ нему.

До сихъ поръ не могу уяснить себѣ того выраженія лица, съ какимъ меня принялъ мистеръ Крабъ. Видно было, что мое намѣреніе не на шутку поразило и даже испугало его.

Онъ снова показалъ мнѣ свои «номера»: рванулся къ звонку, подлѣзъ подъ столъ, вылѣзъ съ опромной палкой въ рукѣ и вдругъ застылъ на мѣстѣ, — съ видомъ собирающейся крякнуть утки. Нѣсколько мгновеній мнѣ казалось, что онъ непремѣнно крякнетъ—и тогда начнется свѣтопреставленіе.

Однако, его нервно-утиный припадокъ скоро прошелъ, и редакторъ заговорилъ со мной спокойно и разумно. Онъ заявилъ мнѣ, что категорически отказывается передать редактору «Д. Ц.» мой вызовъ и, вообще, затѣвать какую-либо скандальную исторію. Тѣмъ не менѣе, онъ признался, что «Д. Ц.» допустила большую ошибку, назвавъ меня «гениальнымъ писателемъ и выдающимся ученымъ».

Къ концу нашего разговора м. Крабъ снова разочувствовался и, проникшись ко мнѣ чисто отеческой нѣжностью, предложилъ мнѣ играть роль Тома-Гаука при его редакціи.

Нѣсколько опѣшивъ, я въ корректныхъ выраженіяхъ предложилъ редактору высказаться проще и понятнѣе. Мистеръ Крабъ раскрылъ было большіе глаза, но тотчасъ же овладѣлъ своимъ удивленіемъ и въ ясныхъ выраженіяхъ изложилъ мнѣ, что Томъ-Гаукъ, имѣя корнемъ слова томагаукъ (tomahawk), обозначаетъ особую редакціонную долж-

ность, — вѣрнѣе, роль. Томъ-Гаукъ долженъ скальпировать, калѣчить, бить, фугать и унижать всевозможныхъ литературныхъ соперниковъ, какъ редактора, такъ и самого журнала.

Я немедленно увѣрилъ м. Краба, что чувствую къ этой роли самое настоящее призваніе. Для перваго опыта редакторъ предложилъ мнѣ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ и не боясь послѣдствій, выругать редактора «Хадъ-Флая», — и я тотчасъ же принялся за работу, которая показалась мнѣ гораздо болѣе соответствующей моей индивидуальности, чѣмъ кропаніе стиховъ.

Полагаю, что читателямъ будетъ небезъинтересно познакомиться съ ходомъ моей работы.

Прежде всего я отправился на книжный рынокъ, гдѣ по крайней низкой цѣнѣ купилъ:

«Рѣчи лорда Брюма».

«Словарь».

«Искусство посямлять и унижать», — и
«Объ языкѣ», — соч. Л. Клакра».

Принеся всѣ эти книги домой, я вооружился ножницами, разрѣзалъ книги на мельчайшія части, бросилъ обрѣзки въ рѣшето и просѣялъ все то, что показалось мнѣ наиболѣе подходящимъ и цѣннымъ для моего изслѣдованія. Просѣялось очень и очень ма-

ло, — но тѣмъ не менѣе, съ цѣлью избавиться отъ слишкомъ серьезнаго и громоздкаго матеріала, я вторично просѣялъ литературный матеріалъ и бросилъ его въ корзину съ боковыми прорѣзами.

Послѣ того, какъ вся смѣсь была готова, я смазалъ листъ бумаги бѣлкомъ гусиного яйца и, вертя сосудъ съ обрѣзками выше-названныхъ книгъ и данной для критики статьи, просѣялъ на бѣлокъ необходимый литературный матеріалъ.

Получился положительно непередаваемый эффектъ. Смѣло могу сказать, что никто до меня не производилъ подобныхъ чудодѣйственныхъ опытовъ. Не скрою, что первое время меня смущалъ беспорядокъ, въ которомъ сочетались отдѣльныя фразы изъ книгъ, нѣкоторыя помѣщались вверхъ ногами, а другія укладывались вбокъ; всего меньше мнѣ пришлось возиться съ изреченіями Л. Кларка, которымъ было все равно, на чемъ они стоятъ: на головѣ или на ногахъ. Въ обоихъ случаяхъ они были непонятны.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не выяснилось, какой эффектъ произвела моя статья на редактора «Хадъ-Флая». Весьма возможно, что прочтя ее, онъ покончилъ самоубійствомъ. Во всякомъ случаѣ, онъ исчезъ съ лица земли. Никто больше его не видѣлъ и о немъ не слышалъ.

Блестящее выполнение задачи значительно повысило меня въ глазахъ м. Краба. Онъ назначилъ меня своимъ личнымъ секретаремъ, укрѣпилъ за мной обязанность Тома Гаука при «Лоллипопѣ» и, не платя жалованья, разрѣшилъ мнѣ безвозмездно пользоваться его совѣтами.

— Дорогой мой помощникъ, — сказалъ мнѣ однажды послѣ обѣда м. Крабъ. — Я люблю васъ, какъ родного сына, и рѣшилъ сдѣлать васъ своимъ наслѣдникомъ. Рѣшено, что послѣ моей смерти вы наслѣдуете «Лоллипопѣ». Но редакторъ «Лоллипопа» долженъ быть человекомъ, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. И я сдѣлаю изъ васъ человека, — ужъ будьте покойны!

— Благодарю васъ...

— Первымъ дѣломъ надо избавиться отъ этого стараго кабана.

— Отъ стараго кабана?

— Отъ вашего отца.

— Совершенно вѣрно! — радостно вскричалъ я. — Воистину кабанъ!

— Онъ — словно жерновъ на вашей шеѣ. И этотъ жерновъ надо отрѣзать. — (Я вынулъ ножъ). — Съ нимъ надо покончить разъ навсегда. Какой способъ вы можете предложить?

— А что вы имѣете противъ того, — началъ я очень тихо и скромно, — если я

поколочу отца дубиной, а затѣмъ при всѣхъ дерну его за носъ?

Мистеръ Крабъ нѣсколько мгновений не отрывалъ отъ меня задумчиваго взгляда.

— Пожалуй, — наконецъ, вымолвилъ онъ. — Это было бы недурно. Но вамъ не мѣшаетъ подстроить такъ, чтобы вы же на него донесли, — будто бы онъ васъ оскорбилъ словами и дѣйствіемъ.

Возгордившись истинно-отеческимъ отношеніемъ ко мнѣ столь высокопоставленнаго лица, какъ м. Крабъ, — я, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, побилъ человѣка, смѣвшаго называться моимъ отцомъ, и только послѣ того, какъ избавился отъ столь плебейскаго родственника, почувствовалъ себя настоящимъ и благороднымъ джентльменомъ.

Между тѣмъ, со смертью отца, нужда въ деньгахъ дала себя чувствовать еще острѣе. Но такое положеніе дѣла продолжалось недолго; я протеръ глаза и понялъ, что энергичный человѣкъ на лобомъ мѣстѣ откроетъ золотыя россыпи.

Мой планъ поразить всякаго своей простотой. Я купилъ за одинъ центъ одну шестнадцатую акцій «Злой Черепахи» и — одновременно — право участія въ ней. Все!

Сдѣлавъ это, я широко раскрылъ карманъ, и золото потекло рѣкой. Конечно, я обзавелся чернилами, бумагой, перьями...

Написать статью, назвать ее «Фоль-Лоль», подписался автором «Оды на помаду Боба» и отправил свое последнее произведение въ «Хузтерумфудль», который въ ближайшей же книжкѣ, въ «Почтовомъ Ящикѣ» называлъ его непередаваемымъ вздоромъ.

Тогда я слово въ слово переписалъ статью, но озаглавилъ ее «Дидль-Дидль», подписался Тингэмомъ Бобомъ, авторомъ «Оды на помаду Боба» и редакторомъ «Злой Черепахи» и отправилъ въ тотъ же «Хузтерумфудль». Въ ожиданіи отвѣта я сталъ помѣщать ежедневно на столбцахъ «Злой Черепахи» хвалебныя статьи о «Хузтерумфудлѣ» и его редакторѣ. Результаты моей политики не замедлили сказаться: «Хузтерумфудль» заявилъ, что приобрѣлъ въ полную собственность новый шедевръ Тингэма «Боба... Этотъ шедевръ, подъ названіемъ «Дидль Дидль» долженъ быть появиться въ ближайшемъ выпускѣ.

Со дня этого заявленія я всей душой любилъ «Хузтерумфудль» и продолжалъ ежедневно печатать хвалебныя статьи въ прозѣ и даже стихахъ.

Покончивъ съ «Хузтерумфудлемъ», я обратилъ свое благосклонное вниманіе на «Хэмъ-Дрэмъ» и «Руди-Доу», съ которыми въ самое непродолжительное время произошелъ такой же *bouleversement* (какъ гово-

рять у насъ, во Франціи), какъ и съ «Хузтерумфудлемъ».

Вотъ какимъ гениальнымъ ходомъ я получилъ возможность откладывать на черный день. Собственно говоря, съ тѣхъ поръ и началась моя блестящая литературная дѣятельность, возвысившая меня до положенія, при которомъ, я, подобно Шатобриану, могу сказать:

«J'ai fais l'histoire».

Это истинная правда!

Въ настоящее время всѣ мои труды принадлежать человечеству. Нѣтъ нужды распространяться про то, что я написалъ,—это извѣстно всему свѣту. Не стоитъ также распространяться про то, какъ, постепенно повышаясь, я унаслѣдовалъ «Лоллипопъ» и затѣмъ слилъ въ одно грандіозное предпріятіе «Хэмъ-Дрэмъ», «Лоллипопъ» «Хузтерумфудль» и «Руди-Доу». Я создалъ единственный на свѣтѣ журналъ, извѣстный подъ заголовкомъ:

«Руди-Доу, Лоллипопъ, Хэмъ-Дрэмъ».

и

«Хузтерумфудль».

Да, я со спокойной совѣстью могу сказать: «Moi, j'ai fais l'histoire».

Моя слава всемирна и универсальна, — ибо распространяется отъ конца до конца

свѣта. Въ настоящее время невозможно най-
ти газету, которая такъ или иначе не каса-
лась бы ежедневно Тингэма Боба.

Вы только и слышите: Тингэмъ Бобъ на-
писаль то-то...

Тингэмъ Бобъ написаль это.

Тингэмъ Бобъ сказаль такъ и этакъ...

И т. д. И т. д.

Я всю жизнь былъ скромнымъ,—скром-
нымъ и умираю. Что для меня мірская слава?
Въ сущности говоря, что такое то самое не-
передаваемое, надземное, неопишное, что
люди называютъ гениемъ.

Я вполне согласенъ съ Бюффономъ и
Гогардомъ, которые утверждаютъ, что ге-
ній — есть сконденсированное
прилежаніе.

Обратите вниманіе на меня — и вы убъ-
дитесь: сколь правильно подобное заявленіе.

Какъ я работаль! Какъ и сколько я пи-
саль! О Господи, какъ я писалъ! Воистину,
я не зналь, что есть отдыхъ. Днемъ, при свѣ-
тѣ солнца, а ночью, при свѣтѣ масляной лам-
пы, я сидѣль за своимъ письменнымъ сто-
ломъ и работаль. Если бы вы хоть разъ взгля-
нули на меня. Я, какъ маятникъ, качался то
вправо, то влѣво, то впередъ, то назадъ.

Я сидѣль, склонивъ голову, на кончикѣ
стула; я сидѣль такъ, какъ никто до меня
не сидѣль — и твориль.

Твориль. Писаль. Неустанно писалъ. Въ

горѣ писалъ. Въ радости писалъ. Писалъ,
когда было холодно; писалъ, когда было и
голодно. Писалъ, когда меня возносили; пи-
салъ, когда меня унижали. Писалъ и при
солнцѣ, и при лунѣ, и при звѣздахъ.

Что я писалъ? Ахъ, вовсе не въ этомъ
дѣло, — вся суть въ слогѣ, въ стилѣ. А о
моемъ слогѣ, заимствованномъ у Фаткуака,
вы можете судить по сей автобіографіи.

ДУХЪ НЕВЪРОЯТНАГО.

Стоялъ холодный ноябрьскій день. Я только-что очень сытно пообѣдалъ и сидѣлъ въ столовой, положивъ ноги на рѣшетку камина. На столикѣ, придвинутомъ почти къ самому камину, стояло что-то вродѣ десерта и нѣсколько бутылокъ вина и ликера. Утромъ я прочиталъ «Эпигониаду» Вильски, «Паломничество» Ламартина, «Броннида» Гловера, «Сицилію» Тукермана и «Курьезы» Грисвольди. Отъ всего этого я значительно одурѣлъ. Стараясь нѣсколько отрезвиться, я прибѣгъ къ лафиту, но, потерпѣвъ неудачу, взялся за газету.

Просмотрѣвъ объявленія, я съ самымъ рѣшительнымъ видомъ перешелъ къ передовымъ и руководящимъ статьямъ — но не понималъ ни слова. Заподозривъ, что статьи написаны на китайскомъ языкѣ, я перечиталъ эти статьи отъ конца къ началу — но съ тѣми же плачевными результатами. Я готовъ былъ уже бросить этотъ видъ литературы, «котораго даже критики не критикуютъ», какъ

вдруг мое вниманіе было привлечено слѣдующими строками:

«Какъ многочисленны и многообразны пути, ведущіе къ смерти! Лондонскія газеты сообщаютъ про крайне оригинальный случай смерти. Нѣкій человѣкъ забавлялся тѣмъ, что, вставивъ въ оловянную трубку длинную иглу, дулъ въ первую съ намѣреніемъ попасть послѣдней въ намѣченную цѣль. Вставивъ по ошибкѣ иглу не въ тотъ конецъ трубки, онъ сильно потянулъ воздухъ и втянулъ иглу, которая застряла у него въ горлѣ. Спустя нѣсколько дней несчастный скончался».

Прочтя это, я невѣдомо по какой причинѣ страшно разсердился.

— Какая глупая и наглая ложь!—воскликнулъ я.—Какой-нибудь досужій репортеръ, зная, какъ падки наши современники на такого рода сенсаціонныя сообщенія, придумалъ подобную несуразность. Но меня,—тутъ я хлопнулъ себя по носу,—такого разсудительнаго и здравомыслящаго человѣка, какъ я, такой басней не проведешь! Я отнюдь не расположенъ вѣрить чему-либо, носящему оттѣнокъ невѣроятнаго! Нѣтъ, не расположенъ. Такъ и знайте!

— Господи, Боже мой, но какой же вы послѣ всего этого дуракъ!—произнесъ одинъ изъ самыхъ невѣроятныхъ голосовъ, которые я когда-либо слышалъ. Сначала я по-

думалъ, что послѣ выпивки у меня просто шумить въ ушахъ; если бы не отдѣльные слова и слоги, я остановился бы на мысли, что кто-то послѣ меня ударилъ палкой по пустому боченку. Будучи по природѣ своей далеко не боязливымъ человѣкомъ, я отъ нѣсколькихъ стакановъ лафита еще болѣе расхрабрился.

Я сталъ озираться вокругъ, ища незнакомца, которому принадлежалъ столь необычный голосъ. Я не замѣтилъ никого.

— Надо думать, что вы пьяны, какъ свинья, разъ не замѣчаете меня!—произнесъ все тотъ же голосъ.

Наконецъ-то я догадался посмотрѣть подъ самымъ своимъ носомъ и увидѣлъ какое-то необычнаго сложенія существо. Его тѣло состояло изъ боченка для рома или вина. вмѣсто ногъ были привѣшены двѣ длинныя кружки, вмѣсто рукъ—двѣ длинныя бутылки горлышками внизъ. На мѣстѣ головы помѣщалась одна изъ тѣхъ кружекъ, которыя очень напоминаютъ огромныя табакерки съ отверстіемъ посрединѣ. Изъ этого-то отверстия и вылетали смущавшія меня звуки.

— Нѣтъ, вы и впрямь пьяны, какъ свинья, разъ не замѣчаете меня рядомъ съ собой. Кромѣ того, вы глупѣе самаго глупаго индюка, если не вѣрите тому, что напечатано въ газетѣ. Все вѣрно!

— А вы, собственно, кто такой будете?
— спросилъ я, нѣсколько огорошенный, но
все же съ большимъ достоинствомъ.—Какъ
вы попали сюда? И о чемъ это вы говорите?

— Ну, это не вашего ума дѣло, какъ, да
что! А если вамъ угодно знать, кто я такой,
такъ знайте же, что я пришелъ сюда съ един-
ственной цѣлью представиться вамъ!

— Вы пьяны!—вскричалъ я.—Я сейчасъ
же прикажу своему лакею выбросить васъ
на улицу.

— Хе-хе-хе!.. Вы не можете этого сдѣ-
лать!

— Не могу?! Почему я не могу?

— Позвонить вы не можете! Человѣка
позвать вы не можете!—сказалъ онъ и сдѣ-
лалъ попытку улыбнуться.

При этихъ словахъ, я приподнялся съ
намѣреніемъ выполнить свою угрозу, но не-
знакомецъ спокойно перегнулся черезъ
столъ и, хвативъ меня одной изъ своихъ бу-
тылокъ по лбу, заставилъ опуститься на мѣ-
сто.

Отъ удивленія я былъ не въ состояніи вы-
молвить слово.

— Какъ видите,—продолжалъ тѣмъ вре-
менемъ мой непрошенный гость,—вамъ всего
выгоднѣе сидѣть смирно. Теперь вы можете
узнать, кто я такой. Взгляните на меня! Я—
Духъ Невѣроятнаго!

— Гдѣ же ваши крылья?—отважился я спросить.—Насколько мнѣ извѣстно, у всѣхъ ангеловъ и духовъ бываютъ крылья.

— Я—не цыпленокъ, и мнѣ крылья не нужны!

— Разумѣется вы—не цыпленокъ!—въ испугѣ сказала я.

— Ну и сидите въ такомъ случаѣ смирно, не то я опять стукну васъ своимъ кулакомъ.

— Позвольте васъ спросить, по какому, собственно, дѣлу вы явились?..

— По какому дѣлу?—вскричало омерзительное существо.—Какой же вы хамъ, если спрашиваете джентльмэна и духа объ его дѣлахъ.

Эти слова окончательно вывели меня изъ терпѣнія; я схватилъ со стола солонку и пустилъ ею въ нахала. Наклонилъ-ли онъ во время голову, цѣлилъ-ли я неправильно,—не внаю, но солонка, миновавъ лобъ незнакомца, разбила стекло каминныхъ часовъ. Духъ раза 2-3 щелкнулъ меня по лбу, чѣмъ окончательно смутилъ и покорилъ меня. Отъ боли или огорченія у меня выступили слезы на глазахъ.

— Послушайте!—воскликнулъ Духъ.—Зачѣмъ вы такъ много пьете? Вамъ бы разбавлять вино водой! Ну, выпейте еще и не хнычьте... Вотъ какой!..

При этомъ онъ влилъ въ мой стаканъ ка-кую-то безцвѣтную жидкость изъ бутылокъ, замѣнявшихъ ему руки. Я замѣтилъ на бутылкахъ этикетъ съ надписью: «Киршенвас-серъ».

Вниманіе и заботливость Духа подѣйство-вали на меня самымъ благотворнымъ обра-зомъ, и я, наконецъ, овладѣлъ собой. Не ружаюсь, что я въ точности передаю его раз-сказъ. Я врядъ-ли все понялъ, но приблизи-тельно узналъ изъ его словъ, что на его обя-занности — производство всѣхъ человѣче-скихъ непріятностей и всевозможныхъ не-вѣроятныхъ случаевъ, которые изумляютъ самыхъ заядлыхъ скептиковъ.

Я слушалъ его съ закрытыми глазами, что, очевидно, очень обидѣло его. Онъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, надвинулъ на гла-за головную кружку, выразительно выругал-ся, погрозилъ мнѣ бутылкой, затѣмъ низко поклонился и, пожелавъ мнѣ на прощаніе «много счастья и немножко больше ума», торопливо вышелъ изъ комнаты.

Какъ только онъ исчезъ, я радостно и об-легченно вздохнулъ. Въ шесть часовъ у ме-ня было крайне важное, дѣловое свиданіе. Взглянувъ на каминные часы, я убѣдился, что имѣю въ своемъ распоряженіи добрыхъ 20-25 минутъ, во время которыхъ я могу вздремнуть. Я повернулся на бокъ и мирно заснулъ.

Проснувшись и взглянувъ на часы, я готовъ былъ увѣровать въ нѣчто неслыханное; я проспалъ всего лишь три минуты: часы показывали безъ 27 минутъ шесть часовъ. Я опять уснулъ и, вторично проснувшись, замѣтилъ, что часы по-прежнему показываютъ безъ 27 минутъ шесть. Я вскочилъ съ мѣста, подошелъ къ часамъ и убѣдился въ томъ, что они остановились. По карманнымъ часамъ уже было 7 съ половиной часовъ и, такимъ образомъ, я проспалъ дѣловое свиданье.

— Ну, не бѣда,—подумалъ я.—Завтра пойду и извинюсь. Но что такое приключилось съ часами?

Осмотрѣвъ тщательно часы, я увидѣлъ, что въ отверстіи для ключа застряла одна изъ вѣточекъ изюма, которыя я разбрасывалъ по всей комнатѣ во время разговора съ Духомъ Невѣроятнаго.

— Ну, что же? Самая обыкновенная случайность! — воскликнулъ я, закончивъ осмотръ.

Я позабылъ объ этомъ случаѣ и легъ спать въ обычное время. Поставивъ у своего изголовья зажженную свѣчу, я началъ читать «О вездѣсущіи Бога» и незамѣтно уснулъ, причѣмъ свѣчи не погасили.

Спалъ я тревожно. Мнѣ снилось, что къ самой кровати подошелъ Духъ Невѣроятнаго, раздвинулъ занавѣсъ и при громоподоб-

Ныхъ звукахъ пустого боченка грозилъ мнѣ всѣми муками ада. Не будучи въ силахъ больше выносить его присутствіе, я проснулся— и какъ разъ въ то мгновеніе, когда крыса, выхвативъ свѣчу изъ подсвѣчника, уносила ее въ свою нору. По запаху дыма я понялъ, что въ домѣ пожаръ. И дѣйствительно, вскорѣ показался огонь, и въ самый короткій срокъ весь домъ былъ объятъ пламенемъ. За исключеніемъ окна, всѣ выходы изъ комнаты были отрѣзаны. Кто-то изъ толпы досталъ длинную лѣстницу и приставилъ ее къ моему окну. Я сталъ быстро спускаться по лѣстницѣ, какъ вдругъ огромный быкъ, всѣмъ своимъ обликомъ похожій на Духа Невѣроятнаго, вздумалъ почесаться о лѣстницу лѣвымъ плечомъ. Лѣстница зашаталась, — я упалъ и сломалъ себѣ руку.

Этотъ несчастный случай оказалъ на меня должное воздѣйствіе и натолкнулъ на мысль о женитьбѣ. Я рѣшилъ жениться. Я зналъ нѣкую богатую вдову, которая неутѣшно оплакивала кончину седьмого мужа, и предложилъ ей свою руку и сердце. Она безъ особаго удовольствія приняла мое предложеніе. Желая выразить свою благодарность, свой восторгъ, я опустился передъ ней на колѣни. Она густо покраснѣла и склонила свои роскошные волосы къ моимъ волосамъ, т. е., не къ моимъ, а къ тѣмъ, которыми временно ссудилъ меня парикма-

херь Гранжанъ, такъ какъ мои волосы во время пожара обгорѣли. Совершенно не знаю, какимъ образомъ сцѣпились наши волосы. Фактъ тотъ, что я всталъ съ колѣнъ безъ парика, съ голымъ черепомъ. Такимъ образомъ, благодаря совершенно неожиданной случайности, всѣ мои надежды были разбиты. Убоявшись отчаянія, я занялся осадой болѣе доступнаго сердца. Сначала судьба благопріятствовала мнѣ, но незначительная случайность снова нарушила всѣ мои планы. Встрѣтивъ однажды свою невѣсту на улицѣ, я поспѣшилъ къ ней, чтобы поздороваться, какъ вдругъ что-то попало мнѣ въ глазъ, и я на нѣсколько мгновеній ослѣпъ. Открывъ, наконецъ, глаза, я замѣтилъ, что моя невѣста исчезла. Очевидно она была оскорблена моимъ крайне неучтивымъ съ ней обращеніемъ. Въ эту невыносимо тягостную минуту ко мнѣ подошелъ Духъ Невѣроятнаго и предложилъ свои услуги. Онъ внимательно осмотрѣлъ мой глазъ и объявилъ, что туда попала какая-то «капля», и немедленно вынулъ эту «каплю».

Ввиду столь явнаго преслѣдованія судьбы, я рѣшилъ покончить съ собой и направился къ рѣкѣ. По моему, люди должны умереть точно въ такомъ видѣ, въ какомъ родились, т. е. голыми. Снявъ съ себя одежду, я бросился въ воду; единственной свидѣтельницей моихъ дѣйствій была одинокая воро-

на. Не успѣлъ я погрузиться въ воду, какъ ворона унесла самую необходимую часть моего туалета. Отказавшись по сему поводу отъ мысли о самоубійствѣ, я всунулъ ноги въ рукава своей куртки и сталъ преслѣдовать воровку съ той быстротой, какая—при сихъ странныхъ обстоятельствахъ—была возможна. Но злая судьба продолжала преслѣдовать меня; я вдругъ замѣтилъ, что ноги мои уже не на terra firma; я летѣлъ на дно пропасти, гдѣ безусловно разбился бы на смерть, если бы не ухватился по дорогѣ за длинный канатъ пролетавашаго надъ пропастью воздушнаго шара.

Нѣсколько опомнившись, я рѣшилъ дать знать о своемъ положеніи находившемуся въ корзинѣ воздухоплавателю. Долгое время всѣ мои усилія оказывались тщетными. Шаръ быстро неся по воздуху, а силы мои еще быстрѣе падали. Я готовъ былъ покориться своей жестокой участи, какъ вдругъ услышалъ надъ головой знакомый, отвратительный голосъ, напѣвавшій какой-то оперный мотивъ. Поднявъ глаза, я увидѣлъ Духа Невѣроятнаго, который, скрестивъ на груди руки, стоялъ у края корзины шара, преспокойно курилъ и, видимо, казался очень довольнымъ какъ собой, такъ и всѣмъ міромъ. Я слишкомъ усталъ для того, чтобы говорить, и лишь жалобно, умоляюще смотрѣлъ на Духа Невѣроятнаго.

Онѣ, наконецъ, прервалъ молчаніе. Пере-
ложивъ трубку изъ праваго угла рта въ лѣ-
вый, онъ соизволилъ сказать слѣдующее:

— Кто вы такой, чортъ васъ возьми, и
что вы тутъ дѣлаете?

На эти циничныя, возмутительныя слова
я въ состояніи былъ только отвѣтить:

— Помогите!

— Вамъ помочь?—воскликнулъ мошен-
никъ.—И не подумаю. Вотъ вамъ бутылка,
помогите себѣ, какъ знаете, и будьте прок-
ляты.

При этомъ онъ бросилъ мнѣ громадную
бутылку «киршенвассеръ'а», которая, уго-
дивъ мнѣ въ темя, почти убѣдила меня въ
томъ, что я совершенно лишился мозговъ.
Пораженный этимъ ужаснымъ предположе-
ніемъ, я собрался было выпустить изъ руки
канатъ и покончить всѣ расчеты съ жизнью,
но меня остановилъ голосъ Духа.

— Держитесь и не торопитесь!—вос-
кликнулъ онъ.—Отрезвились, наконецъ, или
вамъ нужна еще одна бутылка?

Я торопливо два раза кивнулъ головой;
первый разъ—отрицательно, желая пояс-
нить, что отказываюсь отъ второй бутылки;
второй разъ—утвердительно, поясняя, что я
трезвъ и окончательно при-
шелъ въ себя. Такимъ образомъ, я
нѣсколько смягчилъ Духа.

— Ну что? Повѣрили, наконецъ, въ воз-

можность невѣроятныхъ вещей?— спросилъ онъ.

Я утвердительно кивнулъ головой.

— И вѣрите въ мое существованіе — въ существованіе Духа Невѣроятнаго?

Я снова кивнулъ головой.

— И признаете себя пьяницей и дуракомъ?

Я еще разъ кивнулъ головой.

— Въ такомъ случаѣ, въ знакъ полной покорности Духу Невѣроятнаго положите вашу правую руку въ лѣвый карманъ.

По весьма понятнымъ читателю причинамъ, я никакъ не могъ выполнить этого приказанія. Во-первыхъ, при паденіи съ лѣстницы я сломалъ себѣ лѣвую руку. Во-вторыхъ, до ближайшей встрѣчи съ вороной—былъ безъ панталонъ. Я отрицательно покачалъ головой, желая пояснить ангелу, что въ настоящую минуту, при всемъ желаніи, не могу выполнить приказанія. Въ отвѣтъ на это Духъ Невѣроятнаго заоралъ:

— Въ такомъ случаѣ, убирайтесь къ чорту!

Сказавъ это, онъ провелъ острооточеннымъ ножемъ по канату, на которомъ я висѣлъ; и такъ какъ въ это мгновеніе мы пролетали какъ разъ надъ моимъ домомъ, который во время моихъ приключеній былъ отстроенъ заново, я случайно попалъ въ дыховую трубу и, спустившись по ней, очутилъ

ся въ столовой у камина. Паденіе ошеломи-
ло меня, и я пришелъ въ себя только въ че-
тыре часа утра. Я лежалъ на томъ же мѣстѣ,
гдѣ упалъ. Моя голова находилась въ пеплѣ
потухшаго камина, а ноги—на обломкахъ
стола, среди разбитыхъ бутылокъ, стака-
новъ, пустой кружки изъ-подъ «кришенвас-
сера» и остатковъ десерта.

Вотъ какимъ образомъ отомстилъ мнѣ
Духъ Невѣроятнаго.

ИСКУССТВО ОСОБАГО РОДА.

За все время земного существованія жило лишь два настоящихъ Иереміи.

Одинъ прозывался Иеремія Бентамъ и написалъ классическій трудъ о ростовщичествѣ — это былъ великій человѣкъ на малыя дѣла. Другой же Иеремія, извѣстный всѣмъ, былъ великій человѣкъ на великія дѣла.

Изъ дальнѣйшаго изложенія это предисловіе станетъ вполнѣ понятнымъ.

Имѣется слово «жуликъ»; производный отъ него глаголъ будетъ «жулить». Въ общихъ чертахъ это слово вполнѣ понятно, однако, многіе и не догадываются о настоящемъ значеніи этого слова. Я постараюсь говорить не столько о дѣйстви, выражаемомъ этимъ словомъ, сколько о человѣкѣ, достойномъ носить отвѣтственное званіе жулика.

Какъ извѣстно, Платону былъ однажды предложенъ довольно двусмысленный вопросъ объ общипанномъ цыпленкѣ. Извѣстно также опредѣленіе Платона, что чело-

вѣкъ есть двуногое животное безъ перьевъ. И вотъ вопросъ, заданный философу, звучалъ такъ:

— «Почему общипанный цыпленокъ не человѣкъ, разъ онъ на двухъ ногахъ и безъ перьевъ?»

Платонъ былъ, конечно, озадаченъ подобнымъ казуистическимъ вопросомъ. Очень жаль, что съ этимъ вопросомъ не обратились ко мнѣ —къ человѣку, котораго ничѣмъ и никогда нельзя огоршить. Если бы меня спросили, въ чемъ заключается специфическая особенность человѣка, я немедленно отвѣтилъ бы:

— Въ искусствѣ жулить! Человѣкъ—единственное на свѣтѣ существо, имѣющее право быть названнымъ—жуликомъ!

Долженъ тутъ же оговориться, что жульническія свойства представляютъ принадлежность лишь той части человѣчества, которая носить панталоны и пиджаки.

Держась своего хода мыслей, я скажу: сорока воруетъ, лиса хитритъ, куница лжетъ, а человѣкъ жулитъ.

Это его предназначеніе!

Нѣкій поэтъ выразился, что удѣлъ человѣка—скорбь.

Я лично, категорически опровергаю это мнѣніе и утверждаю, что удѣлъ человѣка—жульничество. Въ этомъ его цѣль, его стремленіе, его призваніе.

По существу говоря, искусство жулить—
есть крайне сложный конгломератъ, въ со-
ставъ котораго входятъ:

Мелочность,
Личный интересъ,
Настойчивость,
Изобрѣтательность,
Смѣлость,
Спокойствіе,
Самобытность,
Дерзость и
Насмѣшливость.

Будемъ разбираться по порядку.

Мелочность.

Жуликъ—безусловно мелоченъ. Горизонтъ и среда его дѣятельности довольно ограничены. Бываетъ иногда, что онъ поддается искушенію и займется крупной спекуляціей,—но тогда онъ теряетъ всѣ отличительныя черты жулика и становится финансистомъ. Высшая марка! Финансистъ тотъ же жуликъ, но чиномъ повыше. Другими словами, можно сказать, что жуликъ—это банкиръ въ проектѣ, фьютюръ-банкиръ. Отношеніе между ними такое же, какъ между Гомеромъ и Флаккіемъ, мастодонтомъ и крысой, хвостомъ кометы и хвостомъ свиньи.

Личный интересъ.

Жуликъ руководствуется, главнымъ образомъ, личнымъ интересомъ и вовсе не признаетъ искусства ради искусства. У него

имѣется одна неукоснительная цѣль: свой карманъ и... вашъ. Онъ считаетъ себя № 1. Вы для него—№ 2, и, слѣдовательно, онъ имѣеть на васъ всѣ права.

Н а с т о й ч и в о с т ь .

Жуликъ настойчивъ до невыразимаго. Онъ не знаетъ усталости, разочарованія и унынія. Упорно преслѣдуетъ свою цѣль, пока не добьется ея. Образецъ выносливости.

И з о б р ѣ т а т е л ь н о с т ь .

Несомнѣнно жуликъ изобрѣтателенъ. Онъ умѣетъ творить и созидать; знаетъ, какъ обойти васъ. Его роли: либо Александръ Великій, либо Діогенъ. Если бы онъ не былъ жуликомъ, онъ продавалъ бы патентованныя крысоловки или что-нибудь въ этомъ родѣ.

С м ѣ л о с т ь .

Жуликъ смѣль и даже храбръ. Не боится атаки.

С п о к о й с т в і е .

Жуликъ на рѣдкость спокоенъ. Не обладая нервами, не знаетъ, что значить нервничать. Никогда не волнуется и не выходитъ изъ себя. Безстрастенъ, какъ огурецъ, и, по своему, милъ и удобенъ, какъ старая, привывшая форму руки, перчатка.

С а м о б ы т н о с т ь .

Жуликъ оригиналенъ, т. е., именно то, что называется «самобытенъ». Онъ презираетъ всякія чужія мысли, ибо въ достаточ-

ной мѣрѣ владѣеть собственными мыслями. Всякая проторенная дорожка, всякій шаблонъ—ему глубоко противны. Я лично не сомнѣваюсь, что всякій порядочный жуликъ вернетъ по принадлежности кошелекъ, если ему докажутъ, что онъ стащилъ его самымъ трафаретнымъ образомъ.

Дерзость:

Жуликъ дерзокъ, порой просто наглѣ. Онъ любитъ хвастать и стоять подбоченившись. Заложивъ руки въ карманъ, смѣется вамъ прямо въ глаза. Наступаетъ на ваши любимыя мозоли. Спокойно ѣстъ вашъ обѣдъ, пьетъ ваше вино, пользуется вашими деньгами, бьетъ вашу собаку, цѣлуетъ вашу жену и дергаетъ васъ за носъ.

Насмѣшливость.

Жуликъ насмѣшливъ, и всякое порядочное дѣльце заканчиваетъ усмѣшкой. Никто не видитъ этой усмѣшки. Жуликъ усмѣхается по окончаніи трудовъ праведныхъ, вечеромъ, у себя дома, въ тиши своего кабинета. Онъ возвращается домой, плотно запираетъ за собой дверь, раздѣвается, тушитъ свѣтъ, ложится въ кровать, опускаетъ голову на подушку, укрывается одеяломъ и усмѣхается. Это несомнѣнный, проверенный фактъ. Разъ нѣтъ усмѣшки, нѣтъ и удачи!

Нарожденіе искусства жулитъ относится

къ древнѣйшимъ временамъ. Весьма возможно, что первымъ жуликомъ на свѣтѣ былъ самъ Адамъ-Прародитель. Во всякомъ случаѣ, это искусство, наравнѣ со многими другими, процвѣтало еще въ самыя отдаленныя отъ насъ времена; однако наши современники довели его до такой степени совершенства, какая и не снилась нашимъ предкамъ. Не считая возможнымъ останавливаться на жульническихъ проявленіяхъ въ отдаленныя отъ насъ эпохи, я коснусь лишь положенія жульничества въ нашъ XIX вѣкъ.

Рекомендую для начала слѣдующую продѣлку. Какая-нибудь очень экономная женщина, въ поискахъ дивана, переходитъ изъ магазина въ магазинъ. Наконецъ, она попадаетъ туда, куда нужно... У дверей магазина ее встрѣчаетъ весьма вѣжливый и разговорчивый господинъ, который, къ ея неопытному удивленію, назначаетъ необыкновенную цѣну за замѣчательно красивый диванъ. Цѣна ниже номинальной—процентовъ на 20, если не больше. Экономная женщина немедленно покупаетъ диванъ, платитъ деньги, получаетъ росписку въ уплатѣ, оставляетъ свой адресъ, по которому проситъ доставить диванъ, и уходитъ.

Наступаетъ вечеръ—дивана нѣтъ. Приходитъ слѣдующее утро—дивана все нѣтъ. Дама начинаетъ беспокоиться, посылаетъ слугу въ мебельный магазинъ и узнаетъ, что ей

и не думаютъ посылать диванъ. Не иначе, какъ съ бѣдной женщиной «позабавился» жуликъ, который скрылся, забравъ деньги! Вѣдь, первые этажи нашихъ мебельныхъ складовъ всегда остаются безъ присмотра. Заходятъ люди съ улицы, осматриваютъ мебель и, если нуждаются въ приказчикѣ, вызываютъ его сверху звонкомъ, который находится тутъ же.

Имѣется и другая, не менѣе удачная, жульническая продѣлка. Въ какой-нибудь магазинѣ входитъ очень и очень прилично одѣтый господинъ, покупаетъ что-то, хочетъ вынуть кошелекъ, но обнаруживъ, что забылъ его дома, обращается свысока къ хозяину магазина.

— Я забылъ деньги дома... Попрошу васъ отослать мою покупку на домъ.

Приподымаетъ шляпу и хочетъ уйти, но вдругъ снова что-то вспоминаетъ:

— Ахъ, да. Помнится, у меня дома нѣтъ мелкой монеты. Такъ вы ужъ за одно съ покупкой пришлите и четыре доллара сдачи.

— Слушаю, сэръ!—услужливо отвѣчаетъ лавочникъ, тотчасъ же проникнувшійся большимъ уваженіемъ къ покупателю, который вовсе и не думаетъ просить о томъ, чтобы ему «до вечера» отпустили въ долгъ.

Тотчасъ же на домъ покупателя посылается мальчикъ съ покупкой и четырьмя

долларами. Но по дорогѣ мальчикѣ встрѣчается съ покупателемъ, который говоритъ ему слѣдующее:

— Ахъ, оказывается, что ты еще не отнесъ покупки. А я думалъ, что она давно дома. Ну, иди, иди... Ахъ да, сдачу дай мнѣ, а моя жена, м-съ Троттеръ, дастъ тебѣ цѣлыхъ пять долларовъ. Она знаетъ, я ей говорилъ. Мнѣ нужно серебро, такъ какъ я иду на почту... Вѣрно, четыре доллара! Ну, иди и получи у м-съ Троттеръ пять долларовъ. Только не медли, ради Бога.

Мальчикъ не медлитъ по дорогѣ къ дому м-ра Троттера, но крайне медленно направляется обратно. Ни мистера Троттера, ни мистриссъ Троттеръ, при всемъ желаніи, онъ не могъ найти. Онъ утѣшается мыслью, что ничего не потерялъ, такъ какъ не выдалъ безъ денегъ покупки. И только въ магазинѣ, при видѣ разъяреннаго хозяина, мальчикъ понимаетъ, какую злую шутку выкинулъ съ нимъ м-ръ Троттеръ.

Очень недуренъ экспериментъ слѣдующаго рода. Пароходъ готовъ къ отплытію, снимаютъ сходни. Вдругъ всѣ обращаютъ вниманіе на пассажира, который съ чемоданомъ въ рукахъ бѣжитъ по направленію къ пароходу. Вдругъ онъ останавливается, нагибается и поднимаетъ съ земли оброненный кѣмъ-то бумажникъ.

— Господа, кто обронилъ бумажникъ?—
кричитъ онъ.

Трудно сразу провѣрить, кто именно потерялъ бумажникъ, но создается кутерьма, весьма благопріятная для жулика, который старается дать всѣмъ понять, что въ бумажникѣ очень и очень крупная сумма.

Пароходъ продолжаетъ разводитъ пары, нельзя ждать ни одной лишней минуты.

— Отдавай!—приказываетъ капитанъ.

— Ради Бога, одну минуту,—умоляетъ жуликъ и въ это время переходитъ на пароходъ.—Вѣдь вы понимаете, г. капитанъ, что потерявшій бумажникъ объявится съ минуты на минуту.

— Я не могу ждать!—рѣзко отвѣчаетъ капитанъ.

— Но что же мнѣ дѣлать?—съ большимъ волненіемъ спрашиваетъ жуликъ.— Поймите же, что я уѣзжаю отсюда на очень много лѣтъ, и моя совѣсть не позволяетъ мнѣ воспользоваться чужими и притомъ такими крупными деньгами. Ахъ вотъ что я сдѣлаю!—и онъ обращается къ какому-то господину, оставшемуся на берегу.—По всему видно, что вы честный человекъ, которому можно довѣриться. Будьте добры, возьмите бумажникъ и объявите о находкѣ въ газетахъ. Сумма, какъ видите, здѣсь очень крупная, и владѣлецъ бумажника, какъ слѣдуетъ вознаградить васъ...

— Меня?!—въ изумленій восклицаетъ тотъ.—Не меня, а васъ. Вѣдь это вы нашли бумажникъ!

— Ну, Господи, зачѣмъ же вы такъ волнуетесь! Чтобы немного успокоить васъ, я возьму отъ васъ малую толику. Позвольте, я загляну въ бумажникъ... Къ сожалѣнію, здѣсь очень крупныя бумажки, которыхъ я ни за что на свѣтѣ не возьму... Меньше ста здѣсь нѣтъ, а я не могу взять больше 50... Вполнѣ достаточно.

— Отдавай конецъ!—слышится команда.

— У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ сдачи со ста,—говоритъ жуликъ,—право же, вы напрасно стѣсняетесь...

— Отдавай! — доносится вторично команда.

— Знаете что!—говоритъ господинъ на берегу, уже двѣ-три минуты разсматривающій свой бумажникъ.—Я дамъ вамъ 50 долларовъ изъ своихъ, а послѣ получу...

— Ужъ если вы очень хотите...—нехотя говоритъ жуликъ; такъ же нехотя беретъ 50 долларовъ и въ то время, какъ пароходъ поворачиваетъ, бросаетъ на берегъ бумажникъ, туго набитый бесполезными бумажками.

Нѣкоторые фортели требуютъ немалой смѣлости. Представьте себѣ, что какой-нибудь митингъ назначается на открытомъ мѣстѣ, путь къ которому идетъ черезъ мо-

стикъ. Какой-нибудь пронырливый господинъ, пользуясь большимъ количествомъ людей и создавшейся суматохой, становится у мостика и заявляетъ всѣмъ прохожимъ, что, согласно постановленію устроителей митинга, для организаціонныхъ цѣлей съ каждаго пѣшехода полагается 1 центъ, а съ лошади, ослось и дураковъ—2 цента. Большинство ворчитъ, но всѣ подчиняются новому постановленію, —и жуликъ возвращается домой съ туго набитымъ кошелькомъ. Онъ не чувствуетъ никакихъ угрызений совѣсти, такъ какъ взимать мелочной сборъ съ многолюдной толпы—дѣло очень и очень нелегкое.

Иногда два жулика устраиваются такъ, что одинъ изъ нихъ оскорбляетъ даму. Другой жуликъ рыцарски заступаетъ за даму, даетъ оскорбителю хорошую взбучку и вызывается проводить даму домой. Исполнивъ эту отвѣтственную и очень красивую миссію, онъ прелюбительно кланяется, прикладывая руку къ сердцу и выжидательно смотритъ на даму, которая столь очарована новоявленнымъ рыцаремъ, что предлагаетъ ему войти въ ея домъ.

Жуликъ съ крайне удрученнымъ видомъ отказывается.

— Чѣмъ же тогда я могу отблагодарить васъ?—спрашиваетъ взволнованная дама.— Вѣдь, есть какой-нибудь способъ...

— Есть... есть...—перебиваетъ жуликъ.
—Вы можете отблагодарить меня тѣмъ, что дадите мнѣ взаймы пару-другую долларовъ...

Дама ушамъ своимъ не вѣритъ и почти близка къ обмороку. Но она тотчасъ же овладѣваетъ собой, выдаетъ требуемую сумму и удаляется.

Укажу еще на другую—мелкую, но достаточно ловкую—продѣлку.

Жуликъ входитъ въ мелочную лавку и спрашиваетъ двѣ пачки табаку.

Получивъ табакъ, онъ долго и весьма пренебрежительно осматриваетъ его и, наконецъ, заявляетъ:

— Нѣтъ, извините, такой табакъ не по мнѣ. Возьмите его назадъ, а вмѣсто него дайте мнѣ виски.

Выпивъ виски, жуликъ преспокойно направляется къ выходу. Лавочникъ, опомнившись, кричитъ:

— Позвольте, господинъ, вѣдь вы не платили за виски...

— Что такое?!—съ непередаваемымъ негодованіемъ въ голосъ восклицаетъ жуликъ.—Я не заплатилъ за виски?.. А позвольте узнать, кто вмѣсто виски получилъ двѣ пачки табаку? Получили вы табакъ, или нѣтъ? Разъ получили,—что еще отъ меня нужно? Что за наглость!

— Позвольте, господинъ, да вѣдь вы и за табакъ не платили...

— Опять?.. Развѣ же я взялъ вашъ табакъ? Гдѣ вашъ табакъ? На вашей полкѣ, а не въ моемъ карманѣ! За что же въ такомъ случаѣ я долженъ платить вамъ? Пожалуй-ста, если вамъ угодно меня ограбить, я готовъ идти вамъ навстрѣчу,—но тогда заявите открыто, что вы—грабитель... Пусть всѣ знаютъ.

— Но...

— Безъ всякихъ «но».—Жуликъ уже на улицѣ и кричитъ во всеуслышаніе.—Я не нуждаюсь въ вашихъ «но», но требую, чтобы лавочникъ вѣжливо обращался со своими покупателями.

Нерѣдко имѣетъ мѣсто и слѣдующій «экспериментъ».

Лицо, дѣйствительно потерявшее кошелекъ или бумажникъ, помѣщаетъ въ одной изъ самыхъ ходкихъ газетъ большое объявленіе о пропажѣ.

Жуликъ слѣдитъ за подобными объявленіями, тотчасъ же выписываетъ главнѣйшіе признаки пропавшей вещи и помѣщаетъ объявленіе въ нѣсколькихъ другихъ газетахъ, причѣмъ «отчасти» мѣняетъ адресъ: вмѣсто чужого адреса даетъ свой. Практика показываетъ, что изъ семи случаевъ въ шести, человекъ, нашедшій бумажникъ, отправится по адресу, данному жуликомъ. Отчасти это объясняется тѣмъ, что жуликъ обѣщаетъ большее вознагражденіе.

Въ сущности, жульническимъ проделкамъ нѣтъ конца, и потребовался бы огромный томъ для изложенія лишь нѣкоторой части этихъ махинацій.

Я закончу свою статейку передачей нѣкаго факта, имѣвшаго на этихъ дняхъ мѣсто въ моемъ родномъ городѣ. Фактъ этотъ до того характеренъ, что безусловно, съ большимъ успѣхомъ, будетъ повторенъ во всѣхъ остальныхъ городахъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ.

Представьте себѣ, что въ вашъ городъ пріѣзжаетъ весьма почтенный господинъ, среднихъ лѣтъ. Всего больше въ немъ поражаетъ аккуратность, виѣшнее спокойствіе и исключительное благородство въ осанкѣ и манерахъ. Онъ одѣтъ очень чисто, пожалуй, просто, но богато. На немъ бѣлый, полужительный галстукъ, широкій жилетъ, брюки безъ штрипокъ и туфли на толстой двойной подошвѣ.

Въ общемъ, это всѣмъ знакомый типъ дѣльца, который, съ одной стороны, способенъ выжать изъ бѣдняка послѣдній грошъ, съ другой—славится своими громадными пожертвованіями на дѣла благотворительности.

Такіе люди пользуются въ наше время большой популярностью и значительнымъ уваженіемъ. Благодарнѣйшій персонажъ для драматическихъ авторовъ!

Пріѣзжій долго и съ большимъ разборомъ ищетъ подходящую квартиру съ пансіономъ. Онъ любитъ покой, не перевариваетъ дѣтей, большой педантъ и предпочитаетъ поселиться въ семьѣ, чтущей національныя и религіозныя традиции.

За цѣной онъ не стоитъ, но предъявляетъ категорическое требованіе, чтобы ему представляли счетъ аккуратно перваго числа каждаго мѣсяца. Поселившись втораго числа, онъ дѣлаетъ хозяйкѣ неоднократныя указанія на то, чтобы счетъ былъ поданъ вмѣстѣ съ завтракомъ именно перваго числа. Въ противномъ случаѣ, онъ, молъ...

Наконецъ, устроившись въ пансіонѣ, дѣлецъ приступаетъ къ поискамъ подходящаго помѣщенія для конторы,—при этомъ отдаетъ предпочтеніе не столько людной части города, сколько дѣловитой и солидной.

Вообще, онъ далеко не изъ тѣхъ людей, которые любятъ показать себя, или пустить пыль въ глаза... «Гдѣ блескъ, тамъ трескъ», —частенько говоритъ онъ и вызываетъ этимъ молчаливое согласіе слушателей. На хозяйку же дома этотъ афоризмъ такъ дѣйствуетъ, что она немедленно заноситъ его на широкія поля семейной Библии, рядомъ съ изрѣченіями мудраго Соломона, Царя Іудейскаго.

Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ хлопотъ, пріѣзжій помѣщаетъ въ шестипен-

совыхъ газетахъ нижеслѣдующее объявленіе. Человѣкъ положительный, онъ избѣгаетъ и презираетъ однопенсовыя газеты. Презрѣніе его станетъ понятнѣе, если припомнить, что однопенсовыя газеты требуютъ всегда деньги впередъ. Нашъ же герой придерживается мнѣнія, что платить надо по исполненіи работы или заказа.

Итакъ, появляется анонсъ такого рода:
Требуются молодые люди.

Въ имѣющую въ скоромъ времени открыться солидную контору требуются 3-4 дѣльныхъ молодыхъ человѣка на хорошее жалованье. Рекомендаціи и аттестатъ необходимы. Въ виду отвѣтственныхъ обязанностей конторщиковъ, необходимъ залогъ въ суммѣ 50 долларовъ (съ cadaго). Предпочтеніе будетъ оказано молодымъ людямъ съ опредѣленными религіозными воззрѣніями. Для переговоровъ просятъ обращаться ежедневно отъ 10 до 11 часовъ утра и отъ 4 до 5 часовъ дня къ гг. Богсъ, Хогсъ, Логсъ, Фроггсъ и Комп. Собачья улица, № 110.

Къ послѣднему числу текущаго мѣсяца въ конторѣ гг. Богсъ, Хогсъ, Логсъ, Фроггсъ и Комп. собирается 15-20 человѣкъ съ самыми категорическими религіозными воззрѣніями.

Особенность всѣхъ перворазрядныхъ дѣльцовъ заключается въ томъ, что они ни-

когда не торопятся, зная, какъ это дѣйствуетъ на публику; и нашъ «дѣлецъ» не торопится и медлитъ покончить съ кѣмъ-нибудь изъ предложившихъ свои услуги. Лишь послѣ самой строгой провѣрки религіознаго міровоззрѣнія, онъ рѣшается принять 50 долларовъ и подписать контрактъ.

Въ общемъ, оказывается, что всѣ молодые претенденты дѣйствительно религіозны, —такъ какъ отъ всѣхъ принять залогъ и всѣмъ выданы контракты.

Не смотря на огромное желаніе, хозяйка лишена возможности перваго числа одновременно съ завтракомъ подать и счетъ: жилецъ не ночевалъ дома. Въ то же время, полиція энергично розыскиваетъ «дѣльца», обвиняя его—Господи помилуй!—въ шантажѣ и вымогательствѣ денегъ.

Всѣ молодые люди, оставшись безъ мѣста и залога, съ удивительнымъ единодушіемъ забываютъ про свои религіозные принципы и самымъ безбожнымъ образомъ ругаютъ представителя фирмы: «Богъ и Комп.». Хозяйка же квартиры, запершись въ своей комнатѣ, тщательно стираетъ резинкой съ полей Библии записанный ею со словъ какого-то идіота афоризмъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Автобіографія Тингэма Боба.	3
Духъ невѣроятнаго.	30
Искусство особаго рода.	43

Продолжается подписка на 1912 г.

На дѣтскій иллюстрированный журналъ

„Галченкокъ“

Премія Галченка за 1912 г.:

Большой альбомъ съ иллюстраціями и виньетками въ краскахъ: 1) Боба Сквозняковъ и его изумительныя приключенія (для дѣтей отъ 9—11 лѣтъ). Борисъ Сквозняковъ въ дурномъ обществѣ (для дѣтей отъ 11—14 лѣтъ). Текстъ въ стихахъ и прозѣ.

Въ теченіе 1912 г. выйдутъ слѣдующіе спеціальныя номера.

- 1) Игрушки.
- 2) Дѣтскій театръ.
- 3) О животныхъ.
- 4) Господинъ Подлежащее и госпожа Сказуемое, ихъ жизнь и ихъ знакомые.
- 5) О старомъ городѣ.
- 6) О сушѣ и морѣ
- 7) Весна, лѣто, осень, зима.
- 8) Экзамены.
- 9) Пасхальный
- 10) Рождественскій.
- 11) 1912 годъ и 12) Игры.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: На одинъ годъ 5 руб. на 6 мѣсяцевъ 2 руб. 50 коп.

Редакторъ А. А. Радаковъ.
Издатель М. Г. Корнфельдъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ИЗДАНИЙ

М. Г. Корнфельда В.-Петербургъ, Фонтанка, 80.

САТИРИКОН'

Главный склад дешевой юмористической
библиотеки «Сатирикона»: С.-Петербургъ,
Фонтанка, 80, куда и слѣдуетъ обращаться
со всѣми требованіями и за-
казами.